

В. Т.
НАРЕЖНЫЙ

Сочинения

Василий Нарезный

Два Ивана, или Страсть к тяжбам

«Public Domain»

1825

Нарежный В. Т.

Два Ивана, или Страсть к тяжбам / В. Т. Нарежный — «Public Domain», 1825

Повесть «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» вышла через две недели по смерти автора. Здесь изображено сутяжничество малороссов; два соседа заводят тяжбу, которая разоряет их обоих (сюжет, позже послуживший Гоголю для его «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

© Нарежный В. Т., 1825

© Public Domain, 1825

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	15
Глава VII	18
Глава VIII	20
Глава IX	22
Глава X	24
Глава XI	26
Глава XII	29
Глава XIII	31
Глава XIV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Василий Трофимович Нарезный

Два Ивана, или Страсть к тяжбам

Федору Павловичу Вронченку^[1]

Милостивый государь Федор Павлович!

С давнего времени Ваше превосходительство никогда не оставляли меня без благосклонного внимания, как скоро прибегал к Вам с представлением о своих нуждах. Таковое великодушие Ваше поставляет меня в непременную обязанность оказать пред Вами, по мере возможности, свою благодарность.

Посвящая имени Вашего превосходительства новое произведение мое под названием: «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», я ласкаюсь надеждою, что приношение сие Вы примете со всегдашним Вашим великодушием и тем обяжете меня к новой благодарности.

С совершеннейшим почтением и таковою же преданностию честь имею пребыть

Вашего превосходительства

Покорнейший слуга

Василий Нарезный

С. П. Бург, 2 февраля 1825 года

Часть первая

Глава I

Полтавские философы

Ужасная гроза свирепствовала на летнем полуденном небе; зияющие огни молнии раздирали клубящиеся тучи железные; рыкающие грома приводили в оцепенение все живущее в природе; неукротимые порывы вихря ознаменовали путь свой по земле рвами глубокими, отчего взлетало на воздух все растущее, начиная от низменной травы до возвышенного тополя, и проливной дождь в крупных каплях с быстротою стрел сыпался из туч, подмывал корни древесные и тем облегчал усилие вихря низвергать их на землю.

В сие время, и подлинно невеселое, два молодые странствующие философа из Полтавской семинарии, исчерпав в том храме весь кладезь мудрости и быв выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дороге сквозь лес дремучий.

Почти на каждом шаге они останавливались, чтобы или закрыть руками глаза, ослепляемые блеском молнии, или заткнуть уши, оглушаемые разрывами грома, или смыть со щек и выжать с усов жидкую грязь, со шляп струившуюся.

– Вот настоящий Девкалионов потоп^[2], – сказал один из философов, – для чего здесь такое множество бесполезных для нас больших деревьев, а не видать ни одной глубокой трупщобы, где бы можно было осушить и обогреть кости? Как же неразумны были мы, любезный друг Коронат, что не послушались благих советов миргородского протоппа, уговаривавшего нас остаться у него на ночь!

– Твоя правда, друг мой Никанор, – отвечал другой, – протопп не напрасно предсказывал грозу и бурю, но ты во всем виноват. Тебя никак нельзя было уговорить, чтоб остаться и в безопасном убежище петь псалмы и стихеры^[3] и принимать рукоплескания.

– Твоя правда, – отвечал первый с возвышенным лицом, – но мне хотелось если не к ночи сегодня, то по крайней мере завтра поутру обнять своих родителей, с которыми я не видался целые десять лет.

– И я столько же времени лишен был сего удовольствия, – отвечал Коронат, – однако согласился бы еще столько же времени быть лишенным оно, чем сегодня достаться на ужин какому-нибудь волку или медведю!

Таким образом рассуждая то вслух, то про себя, наши молодые бедняки продолжали тягостный путь свой. Вдруг остановился Никанор, водвинул шляпу на макушу, сложил персты правой руки наподобие зрительной трубки и, приставя к глазу, начал куда-то присматриваться. Коронат хотя не знал, что такое затеял друг его, однако принял такое же положение и глядел туда и сюда, смотря по оборотам головы Никаноровой. Наконец сей последний радостно надвинул шляпу на брови и, схватя приятеля за руку, сказал вполголоса:

– Ну, слава богу! Посмотри сюда, вот прямо против моего пальца, – что видишь ты?

– Ах, – отвечал тот, – я вижу сажень в десяти от дороги на небольшой лужайке стоящую кибитку с опущенною циновкою!

– Так! – продолжал Никанор, – а примечаешь ли, что под кибиткою лежит на траве нечто весьма толстое, покрытое черным войлоком?

– Точно! это, наверное, хозяин укрывается от непогоды; вот невдалеке и пара коней, привязанных к осине.

– Пойдем же туда и усядемся по сторонам сего многоопытного Улисса, не ходящего, подобно нам, под дождем по уши в грязи, а всегда имеющего при себе священный эгид Минервин^[4], то есть свою кибитку.

– Хорошо! пусть это будет сам леший, то и он не поступит с нами хуже теперешнего. Пойдем!

Путники, увещевая один другого быть неробкими, начали пробираться меж деревьями к вожделенному пристанищу. Дорогою Никанор молвил:

– Однако, дружище, кто бы ни был лежащий под войлоком, а нам не надобно пред ним бесчестить шляхетского своего звания. Посмотри-ка на меня пристальнее, на кого похожу я?

– На того окаянного, – отвечал Коронат, – который, вопия под ударами огненного меча архангела Михаила^[5], клубится по земле у ног его!

– То-то же! И ты, как две капли воды, похож на того же ратоборца с нетопырьими крыльями!

– Как же быть? Мы нескоро можем опять походить на людей!

– А вот что: если незнакомец будет любопытен и захочет знать, кто мы, куда и откуда, то скажем, что мы дьячковские дети из Полтавы; что, пользуясь вакантными днями, расхаживаем по полям и лесам, по городам, хуторам и селам, поем православным душеполезные стихеры и говорим речи: сим средством стараемся собрать столько, чтоб по возвращении в дома можно было одеться в новое платье.

– Щегольская выдумка!

– Пойдем же!

Не говоря ни слова, притаивая дыхание, они пошли далее, достигли вскоре своего эгида, сколь возможно тише уселись под оным, сняли шляпы и начали полегоньку щипать траву и вытирать ею лица свои. Вскоре дождь и вихрь поутихли, тучи мало-помалу рассеивались и летели к востоку. На западном небе начало просиявать багровое чело солнцево, готовящееся вскоре опочить за пределами нашего небосклона.

Глава II

Нечаянная встреча

Тут философы увидели, что войлок пошевелился, послышалась сильная зевота, и медленно две ноги показались; сейчас послышался басистый голос: «Ну, что ты?» – и еще две ноги выставились.

Мои студенты всполошились, да и не диво: всякая нечаянность приводит нас в недоумение, а недоумение рождает боязливость, отсутствие духа и делает не способными ни к чему путному. Однако ж надобно отдать справедливость, что ученые витязи недолго пробыли в мучительной нерешимости; они отважно взглянули один на другого, придвинули к себе страннические посохи, похожие на булаву Геркулесову^[6], и Никанор пошептал что-то на ухо своему спутнику. Они погладили чубы, раздвинули усы, раздули щеки, открыли рты и с величайшею отвагою возопили: «Заблудих яко овча погибшая; погна враг душу мою; посади, мя в темных, и уны во мне дух мой!»

В продолжение сего сладкогласия войлок шевелился, и по движению его приметно было, что скрывающиеся храбрецы усердно крестились, а сие немало ободрило студентов, ибо они удостоверились, что слушатели их не лешие и не вовкулаки.¹ Чтобы себя более показать и задобрить хозяев кибитки, полтавские Амфионы смигнулись, раздули щеки пуще прежнего и с ужасным громом заревели^[7]: «Отрыгнут устне мои пение, провещает язык мой словеса твоя».

– С нами крестная сила! что за бесовщина! – раздались голоса из-под войлока: он быстро открылся до половины, и двое пожилых мужчин, приподнявшись, уселись против студентов; закатывающееся солнце багряными лучами освещало лица сих последних, испещренные засыхающею грязью.

Разумеется, что с появлением грозных восклицателей отважные певчие взглянули на них хотя без робости, однако и не без замешательства, опустили взоры в землю и сжали губы.

Хозяева кибитки и по самой наружности, казалось, были люди степенные и не простые. Они одеты были в синие черкески, и у одного висела при боку ужасная сабля, а другой имел за поясом кожаный футляр, в каких обыкновенно приказные грамотеи носят свинцовую чернилицу, несколько перьев, ножик с приделанною к нему печатью и палку сургучу. Они захотели знать о житье-бытье гостей своих, о их роде и племени, и друзья удовлетворили их желанию по сделанному прежде условию. Тут человек при сабле, положи сей признак своего рыцарства к себе на колени, воззвал:

– Если вы и впрямь честные парни и ничем другим не защищаете себя от голода и холода, как только одним распеваньем душеполезных стихер, то я могу вас поздравить с находкою. Вы видите в нас двух из первостатейных шляхтичей в большом селении, за пятнадцать верст отсюда лежащем. Оно называется село Горбыли. От самых отроческих лет до полуседых усов мы были друзья и надеемся, что останемся друзьями до опущения в могилы. Мы оба называемся Иванами, а для различия нас в посторонних беседах с некоторого времени стали называть меня Иваном старшим, а друга моего – Иваном младшим.

Послезавтра настанет в селе нашем великий всеобщий праздник, именно ярмарка, по случаю дня Ивана Купала,² а в домах наших не меньше радостный праздник, потому что мы оба именинники и в тот день торжествуем на выказку.

¹ По суеверному преданию, сим именем называются оборотни, имеющие туловище волчье и бегающие на шести руках и стольких же ногах людских.

² Так называется праздник Иоанна Крестителя, торжествуемый 24 июня. Он и поныне сопровождается многими суеверными обрядами, оставшимися от древних времен.

Если вы согласитесь погостить в домах наших несколько дней и повеселить нас и друзей наших пением и сказыванием похвальных речей, на что весьма удалы вообще все церковники, то уверяю моею шляхетскою честью, что идти далее и драть горло вы не будете иметь надобности, ибо я одену вас с ног до головы в новые платья!

– А я, – прервал слова его человек с кожаным футляром, – наделю на дорогу всеми житейскими припасами, коих достанет до самой Полтавы, а сверх того, в карманах ваших звенеть будет по несколько злотых. Как же это кстати! В селе Горбылях есть довольно панов Иванов, кои там же в именины свои захотят повеселиться и потешить других; у них, конечно, – благодаря ярмарке, – запляшут медведи, зазвонят цимбалы и загудят гудки, в чем и у нас недостатка не будет; но вдобавок в светелках наших раздастся сладкое песнопение, чем уже им похвастаться не удастся. Итак, студенты, если вам нравится наше предложение и вы хотите, чтоб мы устояли в своем шляхетском слове, то дайте обещание, что не прельститесь никакими обещаниями других панов и, что бы они вам ни обещали, не заглянете на дворы их и перед их окнами даже ртов не разинете. Что вы на это скажете?

Студенты пришли в немалое замешательство, посматривали на шляхтичей, друг на друга и не знали, что отвечать. Однако ж Никанор, первый одумавшись, с видом чистосердечия произнес:

– Почтенные паны! ваши ласковые слова стоят, чтоб и мы были с вами откровенны. Не скроем от вас, что хотя мы теперь, по изволению разъяренных стихий, походим более на оборотней, чем на создание божие, однако было бы вам известно, что оба принадлежим к сословию благородного шляхетства, и хотя родители нами не могут назваться богачами, но и не бедны, и мы оба, проживши в Полтаве по десяти лет, не имели нужды ни в пище, ни в одежде, ни в пристанище. Конечно, приятно было бы для нас после столь продолжительной отлучки явиться в дома отцовские в новой одежде и с деньгами, чем мы самим себе были бы обязаны; но и того весьма не хочется, чтобы провести не у них наступающий праздник, ибо наши отцы называются Иванами и ко дню тезоименитств их изготовлены у нас прекрасные кантаты и похвальные речи.

Шляхтичи посмотрели один на другого с недоумением, и взоры их просияли.

– Когда так! – вскричал Иван старший, – как имена ваши, как прозываются родители и где их жительство?

– Когда мы отправляемы были в Полтаву, – отвечал Никанор, – то они жили в хуторах своих, расположенных на небольшой безымянной речке, впадающей в реку Псел, невдалеке от села Горбылей; меня зовут Никанором, а отца моего Иваном Зубарем.

– А я, – подхватил другой, – называюсь Коронатом, а отца моего Иваном Хмарою.

– О вы, святые угодники киевские! о всеблагая мати Ахтырская!^[8] – вскричали в один голос оба Ивана и вскочили на ноги. Студенты, не зная сами для чего, то же сделали; тут старики повисли на их шеях, и обильные слезы заструились по щеках их.

– Возможно ли! – возопил, всхлипывая, один Иван, – и сердце твое, сын мой, ничего тебе не сказало при первом на меня взгляде?

– Как это случилось, – говорил сквозь зубы другой Иван, – что я не узнал тебя, мой любезный сын?

Юноши стояли сначала неподвижно; но вскоре нежность родителей, их ласки и приветствия разлили и сердца детей сладостное чувство любви и благодарности: глаза их померкли от выступивших слез, и они в безмолвии лобызали щеки и обнимали колена отеческие.

Глава III

Начало тяжбы

– Каким образом это случилось, – воззвал Иван старший, – что вы прежде положенного срока здесь очутились? Мы торжественно условились с начальством семинарии, что не прежде вас обоих возьмем в свои дома, как по истечении полных двенадцати лет вашего там пребывания; а срок сей исполнится еще через два года!

– Мы кончили курс философии в продолжение десяти лет; нам нечего уже было там делать; и чтоб мы по-пустому не тратили времени, начальство исключило нас из списков.

– Хорошо, – сказал Иван старший, – итак, нам ничего нельзя сделать лучшего, как повернуть оглобли назад и порадовать прибытием вашим свои семейства.

– И впрямь так, – заметил Иван младший, – оставим покудова судей в покое, и пусть виноватые без остановки и помешательства отпразднуют дни ярмарочные. Ведь этого никто не назовет трусостью?

– Сохрани от того бог всякого, кто на сей грех покусится! – вскричал Иван старший, – он навлечет тем на себя новую и самую упорную тяжбу.

– Тяжбу? – воскликнули оба студента. – Неужели и под мирными сельскими кровлями может обитать тяжба, сие истое порождение ада?

– Не только под нашими соломенными крышами укрывается сие адское чадо, – отвечал Иван младший, – но оно там угнездилось, породило чад и внучат и не выродится до дня Страшного суда. О нашей тяжбе я расскажу вам в свое время в надежде, что вы, как благодарные дети, а притом и шляхтичи, примете в сем деле живое участие.

В силу последовавшего совещания все принялись за работу: один Иван впрягал лошадей, другой выжимал воду из циновки, закрывавшей кибитку; студенты обивали грязь с колес и боков ее и так далее. Когда все было готово, то отцы уселись на козлах, сыновья на облочках, и, перекрестясь, пустились в путь, в продолжение коего им не встретилось уже никакого препятствия.

В самые сумерки въехали они в селение и остановились на дворе Ивана младшего. На ту пору и семейство Ивана старшего было там же, и когда матери горевали о злой участи всех позывающихся,³ а бывшую ужасную непогоду приписывали праведному наказанию неба за неправое дело их супругов, вдруг ввалились они в светелку с двумя сопутниками. Как скоро узнали все, кто сии последние, то поднялись радостные восклицания и взаимные объятия. Остаток вечера и часть ночи прошли в мирном веселии, и о тяжбе не упомянуто ни одним словом. Иван старший, уходя домой с своим семейством, пригласил к себе на весь следующий день Ивана меньшого с родством его и нужными для прислуги домочадцами. Вследствие сего приглашения Иван младший со всем семейством и прибыл в дом Ивана старшего.

По окончании сельского обеда в саду под развесистою яблонью студенты пропели уставом^[9] благодарственную песнь, и оба семейства расположились на траве зеленой. Иван младший, обратись к обоим ученым, сказал:

– Я обещал вам рассказать о начале и продолжении нашей тяжбы, такой упорной, непримиримой, какой от присоединения Малой России к Великой, чему уже минуло более семидесяти лет, в здешнем краю никто не запомнит.

Слушайте. Лет около десяти перед сим мы, оба Ивана, покойно жили в хуторах своих, занимаясь в простые дни сельским хозяйством, а праздничные проводя за горшками варенухи

³ Позываться есть техническое слово и значит: судиться, тягаться.

в диспутах философских^[10]; ибо, да будет вам известно, мы не хуже в свое время отличались в селе Горбылях на крилосе, как и странствующие студенты Переяславской семинарии.

Муж твоей тетки, Никанор, в сказанное время подарил меньшому брату твоему, пятилетнему мальчику, пару кроликов. Ему дозволено было поместить их в избушке, на конце сада находившейся и служившей для складки садовых и огородных орудий. Зверьки начали плодиться, и в течение года с небольшим явилось их маленькое стадо. По прошествии нескольких весенних недель, когда оба наши семейства, в послеобеденное время сидя под цветущими вишневыми и сливными деревьями, слушали рассказы Ивана старшего о военных его подвигах и на досуге высчитывали количество будущих плодов, раздавшийся мгновенно ружейный выстрел привел всех в содрогание; однако мы скоро оправились, вскочили и подбежали к плетневому забору, разделявшему оба сада. Тут опять последовал выстрел, и мы вскоре увидели, что прямо к нам бежит куча кроликов, один без ноги, другой без уха, третий без зубов, все облитые кровью. Брат твой поднял вопль: «Мои кролики!», и тут же показался сосед Ивана, шляхтич Харитон Заноза, с ружьем в руках, а за ним следовал пятилетний сын его Влас, неся в руках с полдюжины убитых кроликов. Кто опишет меру нашего негодования и гнева! «Что за храбрость оказал ты, пан Харитон, – вскричал друг мой Иван, – и как ты осмелился так буяннить?» Сосед, не скидывая колпака, – а надо знать, что мы оба были с открытыми головами, – подошел к самому забору, сказал: «На сегодняшней ужин дичины довольно; и я сказываю тебе, пан Иван, что если не переведешь сих проклятых животных, которые, поделав норы из своего убежища в мой сад, произвели в нем множество опустошений молодым деревьям и растениям, то я вскорости всех их доконаю, а сверх того, стану с тобою позываться». – «Ах ты невежа, бурлак! и ты осмелился говорить это военному человеку, не скинув колпака!» – вскричал друг мой Иван, с быстротою ветра выдернул кол из забора, взмахнул – и колпак взвился на воздух. Но как это сделано второпях, то кол как-то задел соседа по уху, оттоле соскочил на висок, сосед полетел на траву, сын его поднял вопль, и мы с торжеством возвратились каждый в дом свой.

Вот основа тяжбы. Начались следствия, переисследования, и день ото дня дело наше становилось запутаннее. Я, будучи человек приказный, помогал другу своему советами и пером, а за то и самого меня опутали сетью неразрывною; а он, не хотя остаться в накладе, за всякое зло, делаемое паном Харитоном, оплачивал настоящею пакостью, и таким образом во всегдашнем ратоборстве протекло около десяти лет. В течение сего времени с нашей стороны погублены: целое стадо гусей, уток, множество свиней, овец, коз и баранов; зато и у пана Харитона убыло: три пары рабочих волов, две лошади и несколько коров с телятками. Но это мелочи! Харитон сожег у меня гумно, а мы выжгли у него целое поле с созревшим хлебом; он подкопал у нас водяную мельницу, а мы сожгли у него две ветряных. Но кто исчислит все убытки, кои одна сторона другой причинила! Чтобы успешнее действовать в свою пользу, мы переселились в село Горбыли; и пан Харитон, смекнув о нашем умысле, тому же последовал и живет теперь здесь на другом краю селения.

Сегодня мы пустились было в Миргород кое с чем, чтобы понаведаться о своем деле и попросить; но вышло иначе, и мы очень обязаны бывшей грозе, остановившей нас в лесу: иначе мы бы разминулись.

Глава IV Ярмарка

На другой день ярмарка открылась. Далеко от места ее расположения слышны были звуки гудков, волынок и цимбалов; присоединя к сему ржание коней, мычание быков, блеяние овец и лай собак, можно иметь понятие о том веселии, какое ожидало там всякого. В сей день оба дружеские семейства обедали опять у Ивана старшего со множеством союзных панов и полупанов.⁴

Дети и жены приступили к старикам своим с просьбами о дозволении участвовать в общем веселии, и Иван старший послал слугу осведомиться, нет ли там ненавистного пана Харитона, с которым они решились нигде не встречаться, кроме миргородской сотенной канцелярии; и как скоро было объявлено, что пана Занозы не видно, то все людство отправилось к месту празднества, приказав для большей пышности следовать за собой слугам и служанкам, кои все были в нарядных платьях и хотя босы, но для такого великого дня чисто-начисто вымыли ноги.

Уже посетители наши обошли несколько раз вдоль и вокруг ярмарочной площади; уже оба Ивана и некоторые из сопутников запаслись батуриным табаком; уже супруги их в обеих руках держали по коробочке с шелками, иголками и булавками; уже на руках дочерей блистали серебряные перстни: как вдруг, при вступлении в главную улицу, показался пан Харитон со всеми домашними и множеством гостей обоего пола, в числе коих отличались – о ужас! – сотенной канцелярии писец Анурии и с ним два подписчика. Куда деваться панам Иванам! Младший намеревался было обратиться в бегство, но старший вскричал:

– Что ты? чего испугался? Разве не здесь я и не при сабле? Смотри, как я храбро выступать стану!

Иван младший устыдился своей трусости, поправил шляпу, прикрутил усы, и хотя с биющим сердцем, но с наружным хладнокровием шествовал вслед своего друга. Скоро витязи сошлись. Задорный Заноза, обратясь к своим гостям, сказал с коварною усмешкою:

– Какое же множество здесь овец и баранов! Иван младший толкнул под бок старшего, и сей, выпуча глаза, сказал значительно:

– А я вижу одну только злую собаку, окруженную пастырями-наемниками!

Оба сборища остановились, и пан Заноза, подошед, избоченясь, к пану Ивану, произнес:

– Эта собака кого-нибудь укусит больно!

– А дубина на что?

– Дубиной ничего не сделаешь, как скоро кто-нибудь запустит когти в чей-нибудь чуб!

– Можно вырвать или отрубить когти!

– А если кто-нибудь заблаговременно переломает кому-нибудь руки?

– Плюю на всякого кого-нибудь!

С сим словом Иван старший плюнул, но так неосторожно, что слюни вlepились прямо в лоб пана Харитона. Всех объял ужас, а женщины болезненно возопили. Иван старший сам оробел, однако, приосанясь, сделал шаг вперед; но опять остановился, увидя поднимающуюся в руке палку. Она взвилась на воздухе и, подобно стреле молнийной, испустилась на голову Ивана старшего, и с такою силою, что шляпа, осунувшись, закрыла все лицо пораженного. Пан Харитон хотел было нанести вторичный удар; но усердный друг, на сие время из мягкосердечного теленка сделавшийся сердитым вепрем, так ловко огрел своим кием по руке забияку, что палка полетела на землю и рука опустилась.

⁴ Так называется шляхетство, не имеющее во владении крестьян.

Однако упрямый пан Заноза размышлял недолго; он схватился за ефес сабли, но сметливый писец Анурии и оба подписчика поймали его за руки, завернули их за спину, и первый воззвал:

– Пан Харитон! какая польза, следовательно, какая и честь, что ты прольешь кровь человеческую? Кроме убытков, горя и, наконец, несчастья, от этого ничего не будет! Не лучше ли тебе позываться? Я с сею челядью моих подписчиков переночую у тебя, а завтра или послезавтра настрою прошение в сотенную канцелярию, и все вместе пустимся в город.

Пан Харитон в знак согласия с мыслями такой знаменитой особы, какова была писец сотенной канцелярии, кивнул головою и кинул свирепый взор на обоих Иванов, не удостоя их ни одним словом. Рукам его дана свобода, и он потек в обратный путь.

– Что? – спросил велегласно Иван старший, – каково поступил я с нахалом?

– Ох! – отвечал младший, – если бы не мой кий, то макуше твоей несдобровать бы!

Тут согласились они отправиться к Ивану младшему и у него провести вечер, ибо он также в сей день был именинник, да и звук музыки был в доме его слышнее, чем в доме Ивана старшего.

Глава V

Две сестры

Всем известно, что в послеобеденное время желудок, наполняя себя пищею, разливает по каждому составу тела человеческого какую-то лень и непреодолимую склонность к дремоте, даже к бездействию. Чем же от сих супостатов избавляются люди? Англичане – пуншем, французы – шампанским, немцы – глейнтвейном, а малороссияне – варенухою.⁵

Когда ланиты у панов покраснели как маков цвет и табачный дым за клубился вокруг каждого, то женщины, девицы и дети удалились в противную сторону сада лакомиться вишнями, сливами, клубникою и малиною, а остались одни друзья с возрастными сыновьями, из числа коих Никанор и Коронат, яко философы, пособляли отцам своим и друзьям их осушивать корчаги^{11} с напитком и распространять круги табачные.

Когда у всех собеседников сердца разнежались, то Никанор воззвал:

– Батюшка! скажи, пожалуй, кто те две прелестные девушки в полосатых платьях, которые упали на руки жены Харитоновой, когда сей людоед поразил тебя дубиною по макуше?

У пана Ивана старшего наморщилось чело; он возвел глаза на небо, потом на сына Никанора и спросил, не делая точного вопроса:

– Прелестные девицы? И эти ведьмы могли показаться ему прелестными! О Никанор! о сын мой первородный! если осмелишься впредь произнести в доме моем ненавистные имена: Харитона, жены его Анфизы, сына Власа и дочерей Раисы и Лидии, то прошу мой дом считать чужим. Я один с другом моим Иваном, оказавшим незадолго пред сим удалство свое противу чаяния, и с помощью сына его Короната стану продолжать тязбу и надеюсь доказать, что плюнуть кому б то ни было в лицо есть нечто совсем другое, чем быть поражену от него дубиною по лбу.

– Итак, батюшка! – вступил в речь Коронат, – Лидию называется младшая сестра? Ах! какое прекрасное, пленительное имя!

– И ты туда же? – вскричал Иван младший. – Разве не слышал ты, что они дочери Харитоновы?

– Разве между кустами крапивы не растет фиалка? – сказал вспльчиво Никанор, и отец отвечал:

– Конечно, растет; но попытайся сорвать ее, ан больно обожжешь руку.

Оставим лишние вздоры; вы оба, наши дети, люди ученые, а потому и умные.

Через два дня ярмарка окончится, настанут дни судебные; вы оба и весь народ были свидетелями бесчестия, нам оказанного, и потому надеемся, что найдем в вас достойных сыновей, способных участвовать в наших позываньях.

С сего времени оба друга Ивана не посещали уже ярмарочного места, но зато семейства их не отказывались от удовольствия смотреть на других и себя казать; особливо студенты отличались. Для сих торжественных дней они одеты были в новые платья, в коих, разгуливая с важностию Аристотеля и Платона, для большей силы вели диспут на латинском языке, кричали громко, топали ногами и размахивали руками, так что народ с равным любопытством смотрел на них, как и на кривляющихся обезьян и пляшущих медведей; встречавшиеся с ними останавливались и с почтением снимали шляпы.

В последний день праздника, когда Никанор и Коронат, протеснясь к машкарам,⁶ любовались их скачками, они приятно удивлены были, увидя подле себя жену и обеих дочерей пана

⁵ В изданной мною книжке под названием «Аристион» объяснено, из чего составляется сей напиток.

⁶ Замаскированные скоморохи.

Харитона. Чтобы показать, что, прожив в Полтаве по десяти лет, не напрасно тратили время, они сняли шляпы и учтиво господам поклонились. Анфиза отплатила им равною учтивостью, а девицы потупили взоры в землю, и все три покраснелись.

Никанор, будучи от природы поудалее Короната, с ухваткою городского щеголя закрутя усы и подступя к Анфизе, сказал:

– Кажется, этот машкара, что с двумя горбами, делает прыжки искуснее, чем этот – скачущий на деревяшке. И в Полтаве удалее машкары не видывал!

– Правда, что и он не худ, – отвечала Анфиза, – однако ж никак не может сравниться с отцом твоим, когда, бывало, он об святках – до начатия между нами проклятой тяжбы – нарядится машкарою и заскачет!

Никанор покраснел и не знал, что бы такое значил ответ Анфизы: простосердечие ли или насмешку. Коронат, желая отличиться, обратясь к Лидии, спросил:

– На что утешнее смотреть: на резвости ли этого заморского кота или кривлянья этой обезьяны?

Лидия подняла на него прекрасные глаза свои и, перебирая серебряные на пальцах перстни, отвечала вполголоса:

– Кот красивее! Какие усы, какой хвост! А у обезьяны что хорошего?

Мать скоро и неприметно удалилась, опасаясь, чтоб кто-нибудь из знакомых не донес грозному мужу ее о бывшем свидании и разговоре с сыновьями злейших его супостатов. Молодые люди не могли нахвалиться своею удачею, и сейчас один другому сделал доверенность: Никанор, что страстно пленен Раисою; Коронат, что те же чувствования ощутил к сестре ее Лидии.

Глава VI

Первая любовь

Идучи домой в сумерки, наши друзья остановились на пустыре, и Никанор воззвал:

– Что ж из этого будет? Философам, каковы, например, мы, надобно подумать о последствиях тех случаев, какие в жизни человеческой на каждом шагу встречаются. Тебе известно...

Едва он выговорил последние слова, как прямо против них показались прелестные дочери пана Харитона, неся в передниках нечто тяжелое. Наши щеголи были догадливы; не плоше старинных витязей, встретили красавиц вежливо, и Никанор первый спросил:

– Что это у вас в передниках?

Девушки остановились и молча открыли передники, в коих были пребольшие арбузы и дыни.

– Ах! – вскричал Коронат, – какая ужасная тяжесть! от этого можно надсадить грудь и оттянуть руки!

– Позвольте нам, – воскликнул Никанор, – взять на себя эту обузу; для нас ничего не будет стоить донести сей груз до самых ворот вашего дома!

– Верим, – отвечала Раиса с простосердечною улыбкою, – но если кто попадется навстречу, тогда что с нами, бедными, будет?

– Кому встретиться в глубокие сумерки, – возразил Никанор, – а если бы такая беда и случилась, то даю шляхетское слово, что нахалу тому разом сломя шею!

– От этого нам не легче будет, – отвечала с улыбкою Раиса, – если ты даже и убьешь его, то что пользы, когда мы останемся без кос?

– Косы ваши, – возразил Никанор уверительно, – когда-нибудь опять вырастут, а сломленная шея супостата никогда уже не выпрямится.

Споря таким образом, девушки не делали, однако ж, вперед ни одного шагу, меж тем с каждою проходящею минутою становилось темнее, и они убедились, что нечего опасаться уже какой-либо встречи. С потупленными взорами прекрасные сестры открыли передники, студенты выхватили ноши, и все тихими шагами отправились к дому пана Харитона. Всякий догадается, что дорогою влюбленные шляхтичи не были немые. Они наговорили девушкам множество полтавских учтивостей, а те отвечали им односложными словами и умильными взглядами. Они во всем были согласны, и все обвиняли причину, возродившую столь сильную вражду между бывшими соседями и приятелями.

– Если бы негодные кролики твоего брата, Коронат, – сказала Лидия со вздохом, – не поели отпрысков молодых деревьев в саду нашем и не опустошили огорода, сего бы не было; мы жили бы на своих хуторах и, может статься, были бы счастливее!

– Без сомнения, счастливее, – вступил, в речь Никанор, – но что мешает нам употребить все силы к прекращению сей ссоры?

Тут достигли они ворот дома Харитонова. Прелестные девицы подняли передники, и щеголи почтительно опустили в них свои ноши. Естественно, что при сем случае нельзя было рукам их не столкнуться, и как молодые шляхтичи, так и милые сопутницы их вздрогнули, как не вздрагивали – первые, когда в Полтавской семинарии клали их на скамейки, дабы некоторого рода орудиями внушить им более охоты к просвещению; а последние, когда мощные длани грозного родителя расплетали черные их косы, дабы, когда они стоят в церкви, менее заглядывались на молодых шляхтичей. Несколько мгновений все четверо стояли неподвижно в безмолвии. Наконец Никанор, как и следует старшему рыцарю, первый спросил с нежностью:

- Часто ли ходите вы на баштан?⁷
- Каждый вечер, – отвечала Раиса, потупив взоры.
- Так мы каждый вечер будем дожидаться вас у плетневой калитки, – воскликнул студент.
- А если кто проведает?
- Кого понесет нелегкая в поздний вечер на чужой баштан, когда у всякого есть свой?
- А если кто-либо из родных вздумает проводить нас?
- Разве мы слепы?
- Ну, как хотите!

Тут расстались наши влюбленные.

Влюбленные? так проворно? Я отвечаю, что тот, кто теперь меня о сем спрашивает, верно еще влюблен не был: любовь – спросите у всех опытных – можно уподобить пороху. Хотя б его была превеликая куча, кинь в нее самую малую искру, и в один миг все вспыхнет. Сверх того, надобно сказать правду, что Никанор и Коронат из всех молодых шляхтичей, в селе Горбылях отличавшихся, были самые статные, самые видные и самые отважные, а к тому ж барыша – ученые, хотя, правда, иногда бывает, что последнее достоинство в глазах девушек много унижает цену первых. В умах иных и мужчин человек ученый есть нечто странное, даже ужасное.

Итак, мои влюбленные шляхтичи, идучи домой, не умолкали в похвалах своим возлюбленным.

- Ах! – восклицал Никанор, – как прелестна, как разумна Раиса!
- Не менее того прелестна и разумна Лидия, – говорил Коронат, тязко вздыхая.

Хотя студенты о прелестях своих любезных могли заключать справедливо, ибо они имели глаза, но не знаю, почему люди ученые могли так выгодно судить о их разуме, не слыша во всю дорогу других слов: «да», «нет», «ох», «может быть» и тех, кои произнесены были при расставанье.

И красавицы, после ужина уединясь в свою комнатку, не могли остаться в молчании. Отворив оконце в сад, они сели на лавке и смотрели в ту сторону, где стояли дома панов Иванов. Они обе вздохнули, и Раиса как старшая прервала молчание:

– Есть ли в селе Горбылях хотя один из молодых шляхтичей, который мог бы сравниться с Никанором в росте, дородстве и вежливости?

– Разве ты забыла о Коронате? – отвечала несколько вспылчиво Лидия. Впрочем, кроме его, я и сама другого не знаю!

- Никанор несколько выше!
- Коронат дороднее!
- Никанор говорит приятнее!
- Взоры Короната нежнее!
- Никанор поворотливее!
- Коронат степеннее!

Вскоре сестры согласились, что Никанор и Коронат один другого стоили, превосходя всех прочих личными достоинствами, ибо ученость их и на мысль им не приходила. Они восхищались своею удачею и наперед уже мечтали о тех наслаждениях, какие встретят в объятиях любовников. Они бы и до утра не устали веселить себя будущим благополучием, как вдруг Раиса задрожала и изменилась в лице.

– Что с тобою сделалось, сестрица? – спросила Лидия с удивлением.

– Ах, милая! – отвечала Раиса, опустя руки и склоня голову к груди, – нам и на ум не пришли страшные паны Иваны и еще страшнейший отец наш!

⁷ Сим именем называется место, где исключительно сажают дыни и арбузы.

– Ах! – вскричала Лидия, также вздрогнула, опустила руки и повесила голову. Они довольно долго оставались в сем положении и молчали, не смея взглянуть одна на другую. Наконец Раиса, вставая со скамьи, сказала:

– О проклятые кролики! лучше б вы совсем не родились или родились без зубов!

– О несчастная тяжба! – говорила Лидия, запирая окно, – какие черти тебя выдумали!

Обе сестры с унынием улеглись на своих постелях.

Глава VII

Сумерки на баштане

На другой день пан Иван младший сочинил прошение в сотенную канцелярию, в коем жаловался на пана Харитона. Он доказывал весьма основательно, что хотя пан Иван старший первый плюнул в лицо пану Харитону, но как стереть слюни гораздо удобнее, чем стрясти с макуши большой желвак, вскочивший у Ивана старшего от поражения его дубиною, – то и выходит, что пан Харитон во всем виноват и обязан заплатить бесчестье и пополнить проторы и убытки. Что же касается да обстоятельства, что и он, Иван младший, со всего размаху огрел кием по руке пана Харитона, то он основательно рассудил, что как рука не есть голова, то таковой поступок – сущая безделка, а потому не упомянул о нем ни словом.

Писание сие прочтено Ивану старшему в присутствии обоих студентов и единогласно признано премудрым. Вследствие сего кибитка запряжена, все порядком уложено, оба друга сели и – пустились позываться.

Никанор и Коронат, оставшись одни, уединились в сад, разлеглись на траве и, раскуря трубки, начали беседовать о любви своей. По времени и им вспали на ум страшные отцы их и еще страшнейший пан Харитон. Хотя они были мужчины, а притом люди ученые, однако несколько призадумались.

– Не печалься, – сказал Никанор, – какая нам нужда до сей тяжбы, в коей не принимали ни малейшего участия? Только бы девушкам мы приглянулись, а в дальнейшем поможет бог! После бога надобно полагаться на случай. Разве ты не знаешь, что о предмете сем говорили древние философы? Вот тебе рука моя, что если только мы понравимся, то во всем будет успех; да если бы оно и не последовало, то не будем упрекать себя в трусости и нерадении. Кто не дерзает ни на что отважиться, тот никогда ничего иметь не будет.

Тут Никанор дал ему подробное наставление, как действовать и чего домогаться; Коронат во всем положился на своего друга. Кто чего сильно желает, тот охотно верит обещаниям, даже самым невероятным. Продолжая свои разговоры, они поминутно взглядывали на солнце с большим вниманием, чем халдейские астрономы^{12}; но оно катилось по небу ни скорее, ни медленнее, как бы Никанора и Короната с своею любовью, ни халдеев с их астрономиею вовек не существовало.

Наконец желанное время наступило, и влюбленные философы, взявши по торбе, на крилах любви полетели к известной плетневой калитке, заглянули на баштан и, никого не видя, засели в большом бурьяне, росшем возле забора.

Головы их ежеминутно выставлялись по очереди подобно пестам толчейным, если представить, что они действуют не вниз, а вверх. Около часа они провели в сем незавидном упражнении, и оно им надоело. Наконец красавицы показались, и головы перестали высовываться из бурьяна.

Едва сестры вступили на баштан, как друзья выскочили из бурьяна и – прямо туда же. Раиса и Лидия, слыша за собою шум, оглянулись и ахнули, как будто увидели нечто чудное, неожиданное.

Любовники от сотворения мира до нынешних времен, во всех веках и у всех народов были одинаковы. В начале любви своей они робки пред своими победительницами, потом постепенно делаются смелее и, наконец, сами стремятся быть победителями; то же случилось и с моими философами, ибо и сие страшное звание не исключает людей из общего круга человечества.

Подскочив к своим прелестницам, они изумились, увидя пасмурные лица и слезки на ресницах.

– Что за новость? – вскричали оба друга в один голос, – что за причина такой горести тогда, когда мы ожидали увидеть веселые взоры и смеющиеся губки?

После сих слов они взяли своих красавиц за руки и пристально смотрели им в глаза.

– Ах! – сказала Раиса с тяжким вздохом, – вчера при прощанье мы и не вспомнили, что ваши отцы называются Иванами, а наш Харитоном!

– Только! – вскричал Никанор с веселою улыбкою, – так станем же печалиться, что меня зовут Никанором, тебя Раисою, а сестру твою Лидиею!

Что ж вы не плачете? Как скоро увидим слезы на глазах ваших, то и мы горько возрыдаем о таком злополучии!

Сестры взглянули на них с нежностью и сладостно улыбнулись.

После сего они вместе стали выбирать, что им было надобно: но как обе красавицы более глядели в глаза своих любовников, нежели на гряды, то прежде чем торбы студенческие вместили надлежащее количество огородных растений, совершенно уже смерклося, и они попарно отправились к дому Харитона сколько можно медленнее. Дорогою любовники рассказывали прекрасным своим сопутницам о полтавских диковинах, о чудесах, там происходивших, и о различных удальствах, ими оказанных.

– А каковы там девушки? – спросили сестры, застыдившись.

– Ах! – отвечали друзья, – они подлинно прекрасны; но мы, проживши там полные десять лет, не видали ни одной, которая бы могла равняться красотой и любезностью с Раисою и Лидиею!

Девушки взглянули одна на другую и – покраснелись.

У ворот дома родительского надобно было разлучиться. Студенты в передники девушек высыпали плоды, какие были в торбах, и уже осмелились пожать им ручки.

Так протекло около десяти дней, с тою разницею, что в последний любовники при прощанье по несколько раз поцеловали своих красавиц, и они не могли сему противиться, если не хотели опустить передников и рассыпать все, что в них было.

– Когда так, – сказала Раиса, – то вперед не пойдем на баштан!

– Пойдете! – возразил Никанор.

– А за чем?

– За чем и до сих пор ходили!

– Нет, нет!

– А если мы вас там увидим?

– Ну, так что будет?

– Тогда вместо десяти – сотня поцелуев!

– Как не так! – сказали девушки в один голос, засмеялись, и – как горные серны прячутся от звероловов в пещеры, так они скрылись на двор отца своего.

Глава VIII Правосудие

На другой день пан Агафон праздновал вожделенный день своего рождения, а будучи искренний приятель обоих Иванов, пригласил к себе на пиршество их семейства, которые и не преминули явиться к обеду. Гостей было довольно, но не меньше и учреждения: студенты придали великолепия, пропев за столом несколько стихер, а после обеда целый псалом. Хозяин стократно благодарил их за сию особенную честь и не уставал потчевать.

Ароматный дым, выходявший из горшков с варенухою, наполнял не только весь дом, но двор и улицу, из чего можно заключить о великом количестве оных. Под вечер явились на дворе два машкары, два цимбалиста и два гудошника, а в заключение – о, верх великолепия! – с двумя медведями литвин, которого пан Агафон с ярмарки – в ожидании сего всерадостного дня – пригласил к себе и содержал тайно, дабы такую нечаянностью привести в радостное удивление собеседников.

Все гости высыпали на двор; самые дети с ужасом и любопытством глазели из окон на машкар и медведей. Первое действие сей комедии открыли музыканты и машкары. Хозяин, весело осматривая гостей, заметил, что между ними нет Никанора и Короната. «Что с ними сделалось? – думал он, – неужели в другом месте ожидают они большего увеселения?»

Честный старик и не ошибся. Пользуясь всеобщим смятением гостей и челядинцев, молодцы особым ходом ускользнули, чтобы воспользоваться несравненно большим удовольствием, чем смотреть на машкар и медведей.

Сидя в преддверии своего елизиума^{13} (так студенты называли бурьян относительно баштана), они не уставали высовывать головы до тех пор, пока зги не видно было; тут они тяжело вздохнули, и Коронат произнес:

– Видно, наши нимфы не охочи до поцелуев, что не, хотят сдержать своего слова.

– Почему знать, – возразил Никанор, – чужие обстоятельства? Я точно уверен, что все наши домашние тех мыслей, что мы, быв ошеломлены в доме нашего хозяина, покойно спим каждый на своей постеле, и никому на мысль не взойдет, что шляхтичи, и притом люди ученые, гнездятся в бурьяне до полночи.

После сего каждый из них с крайним неудовольствием побрел к себе домой и улегся на постеле.

Коронат проснулся от шума и смешанных голосов. Он прислушивается и вскоре отдельно различает голоса: отца своего, Ивана старшего, Никанора и прочих членов обоих семейств. Он устыдился своей лености, столь неприличной студенту и вообще молодому человеку, и притом любовнику; поспешно оделся, явился в собрание и с нежностью обнял отца и его друга. Жены друзей и возрастные дети сильно любопытствовали знать, что старики выездили; но Иван младший сказал:

– Если вам рассказать следствие нашей поездки, то, может быть, пропадет охота к еде; а как люди дорожные должны подкрепить силы своею пищею и питьем, то поди, жена, приготовь и подай нам сытный и вкусный завтрак.

Когда все были довольны стряпнею жены Ивана младшего, то он, разглядев усы, сказал:

– Хотя я и сам провел в сотенной канцелярии более двадцати лет, но таких див никогда там не видывал, какие ныне свершаются. Это или оттого, что теперь другой сотник, или оттого, что люди стали другие, или что скоро будет преставление света или по крайней мере – Малороссии. Когда прочтены были в канцелярии жалобы наша и ненавистного Харитона, то сотник, подумав несколько, сказал: «Погляжу, посмотрю, подумаю!» Я знал, что это значит, ибо и в мое время клали подобные решения, то сообщил моему другу, Ивану старшему, и мы на дру-

гой день рано поутру – прямо к дьяку. Он принял нас ласково, а еще ласковее наши приносы: рубль деньгами, кадушку меду и бочонок пеннику. «Я постараюсь, чтобы ваша взяла», – сказал он весело, и мы расстались.

Пришедший к нам знакомый подписчик известил, что писец должен быть очень доволен угощением пана Харитона, данным ему во время ярмарки в селе Горбылях, бросился теперь с припасами к пану сотнику, что когда узнал писец, то поклялся совестью, что тому не бывать и что без подписи его никакая бумага не выходит.

Подписчик не солгал. Писец крепко держал нашу сторону, и потому дело тянулось около недели. Но как пан Харитон решился позабыть горбылевское угощение и вновь сунул дьяку кое-что, то третьего дня вышло в сотенной канцелярии следующее определение.

(Тут Иван младший вынул из кармана лист бумаги, читал): «По взаимным жалобам панов: двух Иванов, старшего и младшего, и пана Харитона Занозы, сотенная канцелярия, рассмотрев дело во всей подробности, определяет: 1-е. Пан Иван старший без всякой причины, при великом стечении народа, плюнул в лицо пану Харитону, почему и обязан заплатить рубль денег пени. 2-е. Пан Харитон, вместо того чтоб по законам позываться, вздумал сам собою управиться и ударил пана Ивана тростью по голове, обязан был бы также заплатить пени не менее рубля; но как достоверные свидетели доказывают, да и сам пан Иван сознается, что удар сей последовал не по голове, а по шляпе, то обязан он заплатить бесчестья сорок копеек, а из шестидесяти копеек, кои следуют пану Харитону, канцелярия, на необходимые свои расходы удержав сорок копеек, остальные двадцать копеек выдаст пану Харитону. 3-е. Но как и он, пан Харитон, также в противность законов, в общенародном месте намеревался обнажить саблю, что по смыслу законов то же самое значит, как бы и обнажил ее, то в пеню ему и остальные двадцать копеек причислить в общий канцелярский доход. 4-е. В заключение: пан Иван младший, быв совершенно в деле сем лицом посторонним, вмешался в размолвку, до него не принадлежавшую, и кием своим сделал поражение по руке пана Харитона, от чего и до сих пор виден некоторый знак, – то, в наказание за сие буйство, взыскать с него в пеню тридцать две копейки с деньгою. Из суммы сей: на издержанную бумагу, на жалованье подписчикам и писчикам, на перья и чернила удержать тридцать копеек, затем остальные две копейки с деньгою выдать пану Харитону с распискою. Панов же обоих Иванов, доколе не заплатят наложенной пени, не выпускать из канцелярии».

– Несколько времени, – продолжал пан Иван младший, – мы глядели друг на друга с крайним недоумением, а злодей Харитон улыбался, как улыбаются бес, когда удастся ему кого соблазнить. Сотник, встав из-за стола, сказал: «Пан дьяк! исполняй свою должность!»

С сим словом он вышел, а дьяк, подошед к нам, произнес насмешливо: «Ну, паны! скорее распоясывайтесь; и мне пора идти в гости!» Мы вынули свои мошны, отсчитали пенную сумму и вышли, проклиная внутренно окаянного Харитона, плута дьяка и глупца сотника.

Тут жена Ивана старшего сказала с улыбкою к своему мужу:

– И этот случай не научил тебя? И ты не закаешься впредь позываться?

– Молчи! – отвечал он сурово, – я знаю, что делаю! Уверен, что теперешняя поездка и Харитону немало стоит, а получил две копейки с деньгою; но хотя бы одну деньгу – и того довольно. Одна мысль: «Я одолел противника» – услаждает сердце. Постой, Харитон! ты раскаешься в своей победе, и раскаешься скоро!

Глава IX

Решительный разговор

Со следующего дня всякий в обоих семействах препровождал весь день в приличных ему занятиях, а на вечер соединялись все у которого-либо из Иванов; студенты рассказывали повести из древней и новой истории и пели псалмы; старики курили трубки, пили наливки и предавали проклятию Харитона и весь род его до седьмого колена. В уреченное время молодые люди под какими-нибудь предлогами отлучались, летели на известное место и, находя везде пустоту, приходили в уныние, с пасмурными лицами возвращались в общество и уже неохотно растворяли рты для пения.

В разные времена дня обходили они задний двор и сад пана Харитона, но, кроме обыкновенных слуг и служанок, нигде и никого не видали. Кажется, однако ж, говорят правду, что счастье содержит любовников в особенной милости. В одно послеобеденное время, когда мои влюбленные делали свои разведыванья около двора и сада Харитонова и не пропускали ни одной дырочки в плетневом заборе, они увидели – кто опишет восторг их и блаженство – они увидели – их красавицы сидели на зеленом дерне под развесистой яблонью.

Сердца их забились, кровь клокотала в жилах, они были в пламени. Подобно необузданным коням аравийским, они перелетели через забор, и прежде нежели изумленные сестры могли вскочить, они уже стояли перед ними, схватили их за руки, подняли и со всем стремлением страсти прижали к грудям своим.

– Что вы делаете? – спросила устрешенная Раиса, освобождаясь из объятий Никанора, – как осмелились вы очутиться здесь?

– Любовь, о Раиса, любовь и не через такие заборы перелазит! Скажите – время дорого – скажите, любите ли вы нас?

– Но что пользы в любви сей? – спросила со вздохом Раиса, – какой будет конец ее?

– Предоставьте богу, – воззвал Никанор, – располагать участию сердец наших; а сверх того, любить, даже без цели любить, есть уже неизъяснимое блаженство! Итак, откровенно, Раиса! любишь ли меня?

– Лидия! любишь ли меня?

Вместо ответа девушки зарыдали, опустили в объятия юношей, и губы их соединились. Несколько мгновений пробыли они в сем сладостном положении; но природа ни при каком случае прав своих не теряет. Чтобы облегчить грудь, дав ей новый воздух, они должны были расклеить губы. Никанор, держа Раису в объятиях, сказал:

– Свидания в сем саду немного менее опасны, как и свидания с султанскими любимицами в его гареме. Скоро ли мы будем видеться на баштане?

– Не знаю, – отвечала Раиса, – но пока отец наш дома, это невозможно; нам запрещено выходить, а для чего – мы и сами не знаем.

– А если он опять укатит в город?

– О, тогда весьма можно, даже в самый день его отъезда.

– Превосходно! – воскликнул Никанор, – будьте уверены, милые сестры, что вы очень скоро будете на баштане.

Тут юноши вновь заключили зардевшихся девушек в объятия, запечатлели несколько страстных поцелуев на коралловых губах их, как вихрь перелетели через забор и скрылись. Девушки, оживленные новыми, сладостными, дотоле неизвестными им чувствами, – ибо никто из мужчин, ни сам отец, не прикасался своими губами к губам их, никто не прижимался к волнующейся груди их, к биющемуся сердцу, – долго стояли в восхитительном удивлении; потом взглянули одна на другую, улыбнулись, и Лидия пала в объятия Раисы. Только и могли они произнести: «Ах, сестрица! ах, милая! что-то будет! Боже, что-то будет!»

В тот же вечер семейства обоих Иванов проводили время в доме старшего.

Тут Никанор сказал:

– Батюшка! не знаю, одобришь ли ты мой поступок, но он уже сделан. С приезда твоего из города в хуторе был ты один только раз. Дело идет к осени, и надобно посмотреть, что делается с работами. Предполагая, что ты на это согласишься, я послал уже Якова, чтоб он приготовил все к завтрашнему обеду.

– Bravo, сын! – вскричал Иван старший, – вижу, что из тебя выйдет добрый хозяин. Друг Иван! ведь и твой хутор возле моего; поедем-ка вместе.

– Очень рад, – отвечал сей, – так ли, сын Коронат?

– Так, батюшка!

– Я еще кое-что вздумал, – сказал Никанор улыбаясь, – на хуторе всякой всячины довольно, чтобы накормить целую стаю голодных цыган; но я думаю, не худо будет, если мы возьмем по ружью и по зарядному поясу. Посмотрим, не попадется ли какая дичь дорогой!

– Славно! – сказали все и разошлись.

Лишь только показалось солнце на горбылевском небе, уже наши хозяева были на конях, с ружьями за плечами, а позади плелся слуга с большою торбою для уложения дичи. Они ехали медленно, приглядываясь, не выскочит ли где заяц, или не вспорхнет ли куропатка; но, кроме жаворонков, перепелов и другой мелочи, им ничего не попадалось, и они подъехали к хутору Харитонову с пустою торбою. Подле панского дома стояла большая голубятня, ибо хозяин был до сей птицы великий охотник; вся голубятня покрыта была птицами.

– Стой! – вскричал Никанор, и все остановились.

– Батюшка! – продолжал он, – припомни, сколько Харитон наделал вам обоим пакостей, притом же в последнюю бытность твою в городе!

– Ни слова, сын мой! – вскричал Иван старший, – понимаю мысли твои и хвалю, надеюсь, что и ты охоч будешь позываться. Друзья мои! Станьте рядом, и при счете моем: три, дадим залп по голубям.

Все построились, взвели курки, приложились, и как скоро роковые «раз, два, три!» произнесены были, раздался гром, и бедные твари посыпались на землю. Слуга соскочил с лошади и начал наполнять ими торбу. После сего подвига витязи преспокойно поехали к хутору Ивана старшего, который садами граничил – как сказано в начале сей повести – с хутором пана Харитона.

Глава X Обоюдности

Приказав Якову готовить обед, наши шляхтичи хотели начать осмотр своих поместьев, как увидели на хуторе пана Харитона пожар. Тотчас послали осведомиться, что горит, и вскоре получили уведомление: голубятня. Паны Ивановы, взглянув один на другого, улыбнулись, сказав, старший: «Вот тебе мой рубль, бездельник!»; младший: «Вот тебе мои тридцать две копейки с деньгою, разбойник!»

Отчего же произошел пожар? Это выдумка Никанорова. Для прибою заряда вместо войлока он употребил сухую паклю; Коронат ему последовал. Отцы ничего не знали о сем умысле.

Препроводив более четырех часов в осмотре своих имуществ, оба Ивана довольны были устройством и порядком, похвалили своих наместников и пошли на хутор Ивана старшего, дабы отобедать. Вошел в светелку панского дома и увидев стол, уставленный блюдами и кувшинами, все похвалили Никанора за распорядок и сели насыщаться.

Оконча свою работу и помолясь богу, все уселись на коней и поехали шагом. Доехав до голубятни и видя, что она сгорела до основания и что полуизжаренные голуби и голубята валялись по земле, паны Ивановы усмехнулись и покойно продолжали путь свой. Когда были они на половине дороги, увидели, что кто-то прямо на них скачет; и когда сей всадник приблизился, то Иван старший узнал в нем своего пасешника.⁸ Все остановились в недоумении.

– Что доброго? – воззвал Иван старший.

– Ох! – отвечал тот плачевным голосом, – у тебя нет более пасеки.

Иван старший побледнел, и все остолбенели.

– Как так?

– Уже была обеденная пора, – говорил пасешник, – как пан Харитон приехал на твою пасеку в кибитке, за коею следовал возок. Лишь только я по приказанию его приблизился, он схватил меня за чуб и согнул в дугу; тут двое слуг его, один правящий лошадыми в кибитке, а другой в возке, связали мне руки и ноги и уложили на земле. Тогда начали выбирать из возка сухие кожи, шерсть, облитую смолою, гнилушки, напоенные дегтем и прочими снадобьями, гибельными для пчел; все это разметано по пасеке и зажжено. О боже мой! Я плакал и, верно, выдрал бы себе чуб, если бы, по счастью, руки не были связаны, видя, как гибнут бедные любезные мои пчелки. Растопившийся мед умертвил и тех, кои были в ульях, так что теперь едва ли хоть одна пчелка в целости осталась. О злодеи!

По совершении сего беззакония пан Харитон подошел ко мне со слугами, приказал связать и после ласково говорил: «Поди, голубчик, на мой хутор, где найдешь ты обоих панов Иванов с их сыновьями, такими же бездельниками, каковы отцы их, и уведошь, что видел. Скажи старшему, что каждый мой голубь стоил по крайней мере одного улья пчел. Здесь ульев не более пятидесяти, а голубей было более двухсот, итак, за остальных вымещу я над пасекой Ивана младшего. Но теперь мне некогда: я спешу в город позываться!»

Все, а особливо Иван старший, слушали пасешника с ужасом.

– О злодей, о изверг, о душегубец! – вскричали в один голос оба Ивана. – Посмотрим, что-то ты скажешь в канцелярии? Ведь голубятня – не пасека! Сейчас домой?

Все пустились; нещадно били бедных кляч пятками по ребрам и скоро очутились в Горбылях, а там и в доме Ивана старшего. Не входя в комнаты, он закричал слуге, исправлявшему должность кучера:

– Сию минуту кибитку в две лошади!

⁸ Смотритель за пчельным заводом, который называется пасекою.

Когда он вошел в дом, то жена и все домашние испугались.

– Не спрашивай ни о чем, – вскричал он к жене, приметя, что она готовится спрашивать, – вели уложить в кибитку постель и большой войлок, и – да благословит бог вас всех! Никанор все расскажет!

Скоро все было готово. Иван младший, простясь со своим семейством, явился; они уселись и поскакали. По желанию матери, Никанор рассказал все, что знал и видел, умолчав, что они с Коронатом виновники сей новой суматохи.

– Опять позываться! – сказала мать Никанорова. – Боже милосердный! когда этому конец будет?

– Я думаю, – отвечал сын значительно, – что эти тяжбы прекратятся смертью или через какие-нибудь чудесные происшествия!

При закате солнечном молодые друзья отправились на баштан. Дорогою они разговаривали:

– Посмотрим, исполнят ли наши любезные свое обещание, чтоб в тот же день посетить баштан, когда отец их укатит в город! Ах, как они милы! как пламенны их поцелуи! как сладостны объятия!

Пробираясь к своему бурьяну, они удивились, нашед калитку отворенною.

С трепетанием сердца заглядывают и – немеют от радости, увидев, что обе сестры сидели на небольшой копне сена, положив руки одна другой на колени.

Они, казалось, были в некотором унынии.

Юноши вошли, сколь можно тише притворили калитку и, подобно двум вихрям, устремились к своим возлюбленным.

Глава XI

Падение

После приключения в саду к чему послужило бы притворство? Девушки были в объятиях своих любовников, и поцелуи посыпались без счета; вздохи их смешались, и слезы любви и наслаждения соединились на щеках их.

После первых порывов страсти красавицы тихонько высвободились из объятий своих обожателей, и Раиса спросила:

– На чем же основывается ваша надежда?

– Положитесь на меня, – вскричал Никанор, – как на каменную стену, и не будь я первородный сын Ивана Зубаря, если с помощью друга не помирю наших родителей, и тогда все пойдет на лад. Да и стоят ли кролики, гуси, утки, голуби и пчелы того, чтоб трое шляхтичей вечно позывались и теряли свое имение? Я сказал, положитесь на меня! Разве думаете, что счастье мое и моего друга для нас не дорого? А можем ли мы быть счастливы без вас, милые девушки? Следовательно, – он хотел было продолжать логические доводы; но, видя, что Лидия висла уже на груди Короната, заключил сестру ее в свои объятия, и поцелуи снова градом посыпались. Поцелуи первой любви есть такой напиток, которого чем больше пьешь, тем больше пить хочется; итак, не мудрено, что когда наши влюбленные осмотрелись, то настоящая тьма их окружала. Девушки испугались.

– Что будем делать, – сказала со вздохом Раиса, – где теперь будем искать дынь и арбузов; и что скажет матушка, когда увидит, что мы так поздно воротились и – с пустыми руками?

– Не печальтесь, милые, – сказал Никанор уверительно, – мы вам поможем, наберем дынь и арбузов и донесем до вашего дома.

Необходимость требовала принять предложение. Никанор взял трепещущую руку Раисы и пошел вправо, а Коронат с Лидией влево. Первый скоро толкнул что-то ногою, нагнулся, ощупал и сказал:

– Вот и арбуз!

– Ах, если б еще сыскать дыню! – сказала Раиса, – так бы и довольно.

Они пошли далее.

– Кажется, у ноги моей дыня, – говорила Раиса, нагибаясь. Никанор бросился опрометью, дабы ощупать дыню, но так неосторожно, что опрокинул подругу свою на землю, а посему не мог сам сохранить равновесия и растянулся подле нее. Вот сколь слаб смертный! Претыкались и герои не Никанору чета и героини позначительнее Раисы! Никанор встал, ощупал дыню, сорвал и вполголоса сказал:

– Милая Раиса! дай руку; вставай и пойдем домой.

Раиса встала и пошла, держась за его руку. Она молчала. На некоторые ласковые слова любовника она отвечала вздохами, и так дошли до калитки.

Никого не нашедши, Никанор свистнул; нет ответа. Подождав несколько времени, он свистнул громче; нет ответа.

– Что за причина, – сказал молодец, – быть не может, чтоб они ушли без нас.

Прождав еще минуты с две, он свистнул в третий раз во всю мочь богатырскую, и вскоре послышался невдалеке ответный свист.

– Слава богу! – произнес, вздохнувши, Никанор, – но что ты дрожишь, моя любезная?

– Ах, – сказала сия со стоном, – я думала, что я одна.

На сие и храбрый Никанор отвечал молчанием. Скоро соединились с ними и Коронат с Лидией. В безмолвии дошли все до дома Харитонова. Сестры приняли в передники арбузы и дыни и хотели войти в ворота, не сказав ни слова; но Никанор остановил их вопросом:

– Будете ли завтра на баштане?

– Не знаю, – отвечала Раиса пошептом.

– Непременно будьте, – сказал Никанор отрывисто, – да пораньше: сего требует собственная ваша польза.

С сим они расстались.

Никанор и Коронат шли дорогою, будучи упоены своим счастьем. Они точно с сим намерением раскинули сети, но никак не воображали, чтоб прекрасные птички так проворно, так охотно кинулись в оные.

– Когда же к окончанию дела приступим? – спросил Коронат.

– Доброго дела откладывать ненадобно, – отвечал Никанор. – Завтра около вечерень приходи ко мне.

Посмотрим, что делается с сестрами. Я сказал, что во всю дорогу они молчали; а как известно всякому, что человек не может ни одной минуты не мыслить, то естественно, что они – после случившегося происшествия – имели великую причину сколько можно больше мыслить. Итак, простясь с своими проводниками, они одна другой сообщили мысли свои, сделали условие, как отвести предстоящую бурю, и вступили в комнаты. Кроме матери, все в доме спали, ибо на небе было около полуночи. На вопрос ее: «Где вы до сих пор были, негодницы?» – Раиса с испуганным лицом отвечала:

– Ах, матушка! когда б ты знала, в каком мы были страхе! Лишь только сошли с баштана, как увидели, что в некотором отдалении прямо противу нас шли: ведьма, вовкулака и упырь.⁹ Страх нас обнял, и мы не знали, куда деваться. К счастью, у нас было еще столько ума, что не пошли сим страшилищам навстречу, а бросились обратно на баштан, где и зарылись в горохе. Видели ль нас сии чудовища или нет, не знаем, но только они скоро после нас явились на баштане, остановились, прошед калитку, и кругом оглядывали. Ведьма начала вертеться, как веретено; вовкулака, поднявшись на дыбы, стал плясать, упырь заревел ужасно. Мы едва не умерли от страха.

После сего ведьма села на копне сена и сказала: «Если вы хотите, чтоб я продолжала любить вас, то принесите сюда хороших дынь и арбузов». Вовкулака и упырь бросились за добычею, и, по несчастию, дорога их шла мимо нас, бедных. Мы притаили дыхание и не знали, живы или мертвы. По времени дыни и арбузы принесены ведьме, и началось пиршество. Оно продолжалось немалое время, и когда все принесенное было съедено, то пировавшие начали по-прежнему: ведьма вертеться, вовкулака плясать на задних лапах, а упырь реветь. После сего они удалились.

– Долго не смели мы выйти из своего убежища, – продолжала Раиса, – но, не видя более страшилищ, отважились. Всю дорогу бежали не отдыхая и вот, как видишь, теперь здесь.

Мать задумалась, осмотрела дочерей и, увидев их бледные лица, мутные глаза, растрепанные волосы, волнующиеся груди и платья в пыли и зеленых пятнах, уверилась в истине рассказа и отпустила спать. Когда они при свете ночника разделись, то горько зарыдали: «Ах, Раиса! ах, Лидия! что мы наделали!»

Легко поверить, что сон их был беспокоен и прерывист, им беспрестанно грезились дыни и арбузы.

Теперь следует вопрос: какое ж было намерение Никанора, который, как уже упомянуто, прежде уверил своего друга, а после девушек, что все дело примирения родителей берет на себя; а теперь, по всему вероятно, столько расстроил сие дело, что и конца не будет вражде, а потому и позыванью?

После такой обиды, каковая сделана в роковую ночь сию дому Харитонову, и самый сговорчивый человек готов будет позываться до самой смерти. Подождем и увидим; а предварительно уведомим, что Никанор со времени прибытия на родину несколько раз тайно от всего

⁹ Урожденный чародей, то же, что в женском роде ведьма.

семейства навещал деда своего Артамона, с которым племянники его, оба Ивана, с давнего времени были в расстройке.

Глава XII

Поправка порчи

В назначенное время Коронат явился к своему другу. Как скоро раздался звон колоколов, приглашающий православных к слушанию молитв вечерних, они отправились к баштану Харитонову и засели в бурьяне. Не успели они раз по десяти высунуть свои головы, как, к неопisanному удивлению и радости, увидели, что красавицы их шли самыми скорыми шагами, какими только могут ходить красавицы, не обращая на себя взоров. Едва скрылись они за забором, как влюбленные шляхтичи туда же со всех ног бросились, и девушки кинулись в их объятия, проливая слезы, кои любовники осушали своими губами.

– Ты велел нам, – сказала Раиса Никанору, – быть сегодня здесь, и пораньше: вот мы и здесь; но неужели только для того, чтобы по-вчерашнему?..

– Нет, милая Раиса, – отвечал студент, – не для того только. Ступайте все за мною!

За день пред сим невинные девушки ни за что бы не решились на такое предложение; но теперь, после рокового происшествия на баштане, что им оставалось делать, как не положиться на благонамеренность своих путеводителей и им безмолвно последовать? Каждая подала руку своему обожателю, и – пустились в путь. Обе пары молчали, а довольствовались пожиманьем рук один у другого. Наконец они подошли к древней церкви, стоящей близ самого выгона. Нашед ее назаперти, Никанор три раза ударил кулаком в дверь, и она мгновенно отверзлась; любовники вошли с своими любезными, а сии последние онемели, увидя посреди церкви налож, возженные светильники и священника в полном облачении. Никанор и Коронат подвели трепещущих невест к алтарю, и священнодействие началось. Сердца у всех, а особливо у девушек, бились чрезмерно, и радостные слезы блистали на их ресницах. Священный обряд кончен, и новобрачные вышли из храма.

Недалеко от баштана Харитонова стояла низменная хата, принадлежащая Ивану старшему, но давно кинутая по совершенной в ней ненадобности; сюда-то вступили новобрачные, где нашли волошское вино и закуски.

– Вот, милая Раиса, – сказал Никанор, – место временных наших свиданий.

Эта светелка принадлежит нам, а через сени есть другая, где сестра твоя может видеться с своим мужем. Будем и сим довольны до времени.

Молодые, проведши за столом минут десять, удалились попарно в свои светелки, где и пробыли до заката солнечного; после чего Раиса и Лидия, взявши в передники арбузы и дыни, отправились домой. Они запретили мужьям за собой следовать, ибо довольно было еще светло.

Никанор и Коронат, яко люди ученые и православные христиане, пришед домой, каждый отметил в своих святцах: «Такого-то года, августа 20 дня, я (имрек) обвенчался на дочери пана Харитона (имрек)». Слова женихов и невест означены были киноварью.

Так провели они около месяца в упоении и восторгах любви. Во все это время необитаемая прежде хата ни одного дня не была пуста; новобрачные считали себя преблагополучными людьми, между тем как отцы их, позываясь между собою беспрестанно и делая друг другу возможные пакости, едва ли не были самые несчастные из всего села Горбылей.

Все три позывающиеся пана несколько раз писали к своим семействам, и сии писания преисполнены были: жалоб – то на неправосудие начальства, как-то: сотника, есаула, дьяка и проч., то предавая сугубому проклятию противную сторону. Всякий, однако ж, надеялся взять верх, почитая дело свое правым.

Всему селу Горбылям было известно, что ни одна шляхтянка не умеет ни читать, ни писать. «Как? – спросит кто-либо, – неужели и милые, прелестные сестры Раиса и Лидия?» Так! Хотя неохотно, но должен сказать, что и они подвержены были общей участи женского пола

того времени; они умели только шить, вышивать разноцветными телками и – нежно, постоянно любить! А разве этого не довольно для всякой женщины!

Мы знаем, что жены панов Иванов имели в домах своих кому читать письма, от мужей получаемые, и отвечать на оные; но как Харитонов сын Влас был только пятнадцати лет и у дьячка Фомы набирался возможной мудрости, твердя из букваря: тма, шна, здо, тно, то беспомощная Анфиза уполномочена была призывать к себе Фому в случае нужды прочесть мужнее письмо и настроичить ответную грамоту. Хотя со всех сторон положено было обстоятельство сие хранить в глубокой тайне, но могло ли оно остаться тайною, когда знали об этом все в доме?

Никанор, начавший теперь весьма ревностно искать способов к скорейшей развязке своего дела, посредством небольших подарков и нескольких гривен достал от одного из учеников Фомы собственноручное письмо учителя, с которого он учился чистописанию.

Как дело происходило, откроют последствия. В один и тот же час получены в городе от неизвестного человека два письма к позывающимся.

Глава XIII Злой умысел

Письмо 1-е. К пану Харитону.

«Ах, ох! Ах, беда! Ох, горе! Кинь на время, любезный друг, проклятую тяжбу и поспешай сюда, если желаешь застать еще кого-либо из нас в живых.

Дом наш в селе Горбылях – ах, ох! – превратился в кучу пепла. Нет ни гумна, ни кладовой, ни погреба с твоим пенником и наливками. При сем несчастном случае крестьяне наши оказали примерное усердие: мужчины молились богу, а женщины так оплакивали наше несчастье, как бы свое собственное. Все мы выбежали из спален, – ибо пожар произошел в полночь, – в чем лежали на постелях; впрочем, в добром здоровье, только у нас всех обгорели головы и по всему телу пузыри. Приезжай прямо на хутор, ибо мы теперь же идем туда пешком. Ах, ох! Ах, беда, ох, горе!

Анфиза».

Пан Харитон поражен был сим писанием как громом; бледность покрыла щеки его. Одна мысль о сем злополучии терзала его сердце: кто произвел пожар сей, с кем он должен позываться? Недогадливая жена не означает, чтоб имела на кого подозрение. Заклятые враги паны Иваны – оба в городе. Кто же?

Неужели богопротивные латынщики, сыновья их, дерзнули на такое отважное дело? Горе им, гибель неизбежная, если в сем удостоверюсь!

Пан Харитон склонил городского лекаря ехать с ним вместе, запасшись нужными лекарствами для излечения обожженных, взвился как вихрь и – полетел прямою дорогою на свой хутор.

Письмо 2-е к пану Ивану старшему.

«Батюшка! когда получишь это письмо, то примечай, что будет происходить в жилище пана Харитона. Я думаю, он опрометью ускачет из города. Куда и зачем – узнаешь после. Не теряй напрасно времени и действуй с другом своим всеми силами. Теперь никто уже вам обоим не помешает. В подспорье посылаю десять рублей. Не жалейте ничего, только бы победа была ваша. Такую мудрость выдумали мы с Коронатом, дабы сколько-нибудь помочь в трудах ваших. В Горбылях мы для вас всегда полезнее, чем в городе. Я и друг мой целуем вас заочно. Он не пишет потому, что я пишу. Не все ли равно? В другой раз вы увидите его письмо, а меня, может быть, не будет. Он для вас обоих – другой я. Прощайте!»

Паны Иваны, взглянув один на другого, прослезились.

– Не я ли уговорил тебя, – сказал Иван младший, – чтобы детей наших поучить порядком, а не таи, как учатся у нас все шляхтичи?

Иван старший с чувством пожал руку у Ивана младшего и произнес тихо:

– Воспользуемся же благим советом и не станем терять времени.

И в самом деле, они принялись за дело так плотно, что оно скоро взяло совсем другой оборот, нежели какой дал было ему пан Харитон. Давнишняя опытность Ивана младшего и громогласие храброго Ивана старшего, а более всего присланное Никанором вспомогательное ополчение так подействовали...

Но обратимся к пану Харитону.

Роковое писание от жены Харитон получил гораздо за полдень. Пока склонил он лекаря ехать с ним в хутор, пока сей последний приготовил нужные от обжоги лекарства, то солнце близко было к закату, а как приблизились к хутору, то все погружено было в глубокий сон,

кроме собак, кои кое-где лаяли, а особливо на дворе панском. Не видя ни в одном окне огня, пан Харитон вздохнул.

– Так-то слуги наши и служанки, – произнес он, – радеют о господах своих! Чтоб ничто не мешало им покоиться, о незаконные! они загасили все ночники, меж тем как их несчастные обожженные господа ахают и охают.

Постой! дай мне до вас добраться!

Вступая в комнаты, пан Харитон увещевал лекаря и строго наказывал слуге своему Луке хранить тишину сколько можно, дабы не обеспокоить недужных. Луна светила полным светом, а потому все предметы весьма отдельно видны были. Проходя из одной комнаты в другую, – а всех в панском доме было пять комнат, – они и духа людского не ощущали.

– Что бы это значило? – сказал пан Харитон с движением гнева и недоумения. Он задумался и после со смятением произнес: – По всему вероятно, они так изуродованы, что не надеялись доплестись сюда, и кто-нибудь из добрых приятелей принял бедных к себе до моего прибытия. Я сейчас бы распорядился; но что сделаешь ночью и у кого искать их? Не умнее ли сделаем, пан лекарь, – продолжал он, – когда велим подать огня, выпьем по чарке и чем случится закусим?

Лекарь, которому давно хотелось спать, похвалил такую умную выдумку, а особливо услыша о чарке и закуске; ибо он набожно верил, что засыпать с тощим желудком совсем не христианское дело и прилично одним немцам.

Слуга высек огня и зажег дорожную свечку; потом принес из повозки большую деревянную чашу, баклажку с пенником и плетенку с сулеею вишневки.

В чашке заключалась жареная индейка и несколько булок, на что глядя, Эскулапий ^[14] не считал сей вечер потерянным. Они ликовали довольно долго, забыв об отчаянно больных, и растянулись на куче сена, нанесенного в комнату Лукою.

Поздно поутру они опомнились, поздоровались с баклагою и пустились в путь. Взглянув на головни, оставшиеся от голубятни, глаза у пана Харитона заблестали, и он заскрипел зубами.

– Добро! – сказал он, – может быть, и погибель моего дома есть ваше дело, незаконные паны Ивановы, произведенное посредством богоотступных сыновей ваших. Посмотрим!

Во всю дорогу от хутора до села пан Харитон мучил лекаря рассказами о всех причинах, кои понудили его позываться со многими горбылевскими шляхтичами, а особливо с панами Ивановыми, и наконец вступили в селение.

– Стой, Лука! – вскричал Харитон, – я вижу, идет прямо к нам пан Захар; порасспросить было его о моем жалком семействе! Здравствуй, пан Захар!

– А, пан Харитон! Мы все думали, что ты в городе, а вышло, что хозяйничал на хуторе.

– Я таки и был в городе до вчерашнего вечера. Но об этом после. Скажи, пожалуй, где я могу найти жену мою и детей?

Пан Захар уставил на него глаза и после с улыбкою сказал:

– Ты, видно, не выпался! Прощай!

С сим словом пан Захар удалился, Лука поехал далее, а Харитон погрузился в глубокую задумчивость.

– Стой, Лука! – вскричал он, и Лука остановился, – вот идет пан Давид; авось он будет поумнее пана Захара. Здравствуй, пан Давид!

– А, пан Харитон! Как ты здесь очутился?

– После поговорим об этом, а теперь уведомя: тебе, как приятелю, должно быть известно мое несчастье – где мне найти мое бедное семейство?

– А, понимаю! Последний позыв твой, видно, был неудачен, и ты рехнулся! Ах, бедный! Прощай! я боюсь сумасшедших!

Он уходит скорыми шагами, и пан Харитон, задыхаясь от бешенства, едва мог произнести:

– Видно, на Горбыли нашла злая минута, и все паны ошалели. Стой, Лука! вот приближается пан Охреян; спросить было еще в третий и последний раз.

Здравствуй, пан Охреян!

– А, пан Харитон! здорово! Давно ли из города? Что твой последний позыв?

– Не о позыве слово! Скажи, бога ради, кто из вас, друзей моих, призрел жену мою и детей?

– Что такое?

– Разве ты оглох?

– Видно, не пустой разнесся слух!

– Какой?

– Что ты, потеряв тяжбу, рехнулся ума! Прощай!

Глава XIV

Суматоха

Пан Харитон действительно потерялся.

– Что за дьявольщина! – вскричал он, – или я и подлинно не в полном уме, или все горбылевские шляхтичи одурели! У кого ни спрошу о жалкой участи жены моей и детей, все удивляются, как бы я спрашивал их: «Как обретается хан Крымский?» Не хочу больше спрашивать ни у кого. Поезжай, Лука, прямо к пепелищу моего дома; там мои крестьяне и соседние шляхтичи, наверное, скажут, где могу найти то, чего ищу и о чем спрашивал у трех сумасшедших.

Лука приударил по лошадям, и кибитка быстрее покатила. Пан Харитон забился в глубь своей колесницы, лег навзничь, зажмурил глаза и сложил на груди крестообразно руки.

– Не хочу, – говорил он с тяжким вздохом, – не хочу видеть издали развалин моего дома: пусть одним разом сердце мое растерзается! Как взгляну на кучи угольев вместо дома, где столько времени жил во всяком довольстве?

Что почувствует бедное сердце мое, когда вместо доброй жены, двух милых дочерей и удалого сына увижу движущиеся головешки? Кажется, мне не перенести сего горя; да не лучше ли и впрямь умереть разом, не умирая каждоминутно?

Кибитка остановилась, и слуга соскочил с козел. Вдруг раздались голоса: «Ты ли, друг мой Харитон?» – «Батюшка, батюшка!»

– Что же ты не вылазишь, – спросила любопытно Анфиза, – здоров ли ты?

Влас! Полежай к нему!

Влас вскочил в кибитку и закинул циновку, которая была опущена. Все ахнули и отступили назад. Пан Харитон, бледный, подобно мертвому, лежал в прежнем положении; подле него спал человек незнакомый, а из кибитки выходил запах, как будто из разрытой могилы. Дети заплакали, а жена горько зарыдала.

– Ах, Харитон, Харитон! ах, сердечный друг мой! – вопила Анфиза, – не я ли сто-кратно тебе пророчила, что от позывов никогда добра не бывает! Велика ли беда, что кролики обгрызли у тебя несколько отпрысков вишневых и съели пары две капустных кочней; прогнать бы только их, а не стрелять, и ничего бы этого не было, и ты был бы жив и счастлив в своем семействе. Хотя ты, правда, иногда уподоблялся бешеной собаке и я от чистого сердца посы-лала тебя к черту; но когда ты и в самом деле туда попался, то мне тебя и жалко стало! Раиса! Лидия! слезами не воскресить его! Велите приготовить теплой воды и чистое белье, а ты, Влас, прикажи позвать священника и дьячка Фому с псалтырью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.